

Слуги, присланные перевезти Хо Уцзю в новые покои, прибыли как раз в тот момент, когда лекарь Чжоу заканчивал накладывать повязки.

Когда Хо Уцзю прибыл, при нем не было ничего: ни приданого, ни багажа. Поэтому сейчас за ним прислали всего двух служанок и одного рослого, крепкого слугу для грубой работы.

Эти две служанки, судя по всему, были назначены присматривать за Хо Уцзю. Войдя, обе они не скрывали недовольных мин: глаза опущены, вид — пренебрежительный.

Заметив, что лекарь Чжоу накладывает Хо Уцзю мазь, одна из них спросила:

— Лекарь Чжоу, долго еще?

Она ни в грош не ставила Хо Уцзю, даже не поклонилась, будто его и вовсе в комнате не было.

Лекарь Чжоу, продолжая бинтовать раны, ответил:

— Потерпите немного, барышни, еще четверть часа — и закончим.

Служанка лишь хмыкнула и обернулась к двери:

— Тогда шевелись быстрее, мы подождем снаружи.

С этими словами они вышли.

Дверь за собой они не закрыли, оставив её нараспашку. Та служанка, что до этого молчала, заворчала:

— Какая досада. Еще немного — и полдень, по дороге на самом солнцепеке жариться будем.

Вторая подхватила:

— И не говори, сплошное невезение.

Первая прыснула:

— Невезение? Солнце — это еще мелочь, а вот то, что нам дали эту работу — вот где настоящее невезение.

— Еще бы! Кому охота прислуживать калеке из вражеской страны... Просто нам не повезло...

Они даже не пытались понизить голос, будто им было совершенно плевать, слышит их человек в комнате или нет. Их звонкие девичьи голоса отчетливо долетали до ушей лекаря Чжоу. У бедного лекаря затряслись поджилки. Другие не знали, но он-то понимал: тот, кто сидит сейчас в кресле, — это настоящий Янь-ло (повелитель смерти), который и глазом не моргнет, лишая жизни.

Обливаясь холодным потом, лекарь осторожно покосился на Хо Уцзю. Тот сидел неподвижно, взгляд не поднимал и никак не реагировал, словно был абсолютно глух к их словам. Солнечный свет мирно ложился на его профиль. Возможно, из-за того, что солнце было слишком ярким, возникало странное чувство: этот неподвижный калека на самом деле должен быть человеком запредельной гордости.

Лекарь не смел больше ничего говорить. Он торопливо закончил перевязку ног.

— Впредь не мочите эти места. Повязки нужно менять раз в три дня, я доложу об этом Ван-е, — сказал он.

Хо Уцзю промолчал. Лекарь Чжоу собрал инструменты и попятился к выходу.

Вскоре в комнату вошли те две девицы. Они скомандовали слуге катить кресло — так Хо Уцзю «забрали», чтобы доставить к его новому месту жительства. Кресло катилось тяжело. Оно само по себе было массивным и неуклюжим, а поскольку предназначалось для Хо Уцзю, его сделали скорее как орудие для перевозки преступника. Работа была топорной, а два колеса и вовсе сняли с какой-то старой тюремной повозки и кое-как приладили к сиденью.

Чтобы сократить путь отсюда до задних покоев, где жила свита принца, нужно было пересечь дворцовый сад. Сады Цзяннани славятся тем, что каждый шаг открывает новый вид: повсюду ручьи и пруды, а дорожки — либо извилистые мостики, либо россыпь неровных камней.

Эти две служанки, желая поскорее укрыться в тени и ленись идти кругом, настояли на пути через сад. Несмотря на силу дюжего слуги, толкать кресло по такому рельефу было невероятно трудно. Очень скоро он начал отставать.

Служанки, думавшие только о том, как бы скорее дойти, через некоторое время оглянулись и обнаружили, что Хо Уцзю плетется далеко позади. Они и так затаили обиду за свое назначение, а видя, что их новый «хозяин» всё время молчит и ведет себя как беззащитный калека, они окончательно распоясались.

Одна из них, обернувшись, начала поносить его обиняками:

— Что же мы так медленно движемся? Небось, строит из себя благородную девицу, боится расшитые туфельки испачкать?

Простодушный слуга, толкавший кресло, вспотел от волнения и принялся оправдываться:

— Не серчайте, сестрицы, тут просто дорога плохая...

Вторая служанка холодно оборвала его:

— А кто про тебя говорит? Живее давай!

Раз говорили не про слугу, значит, мишенью был единственный оставшийся человек. Слуга не посмел возразить и, насупившись, налег на кресло. Колеса, закрепленные абы как, шли неровно. В спешке слуга не рассчитал силы, кресло вильнуло и едва не перевернулось. В этот момент человек, хранивший молчание, плавно поднял руку и нажал на подлокотник. Кресло застыло, выровнявшись.

Слуга уже собрался было кланяться и извиняться перед хозяином, как вдруг впереди раздался ленивый голос:

— Что за шум и гам? Чем вы тут заняты?

Слуга поднял голову. Впереди, под плакучей ивой у пруда, стояли двое мужчин, окруженные свитой. Один был в зеленых одеждах, с мягкими, спокойными чертами лица — воплощение благородного мужа, чистого как яшма. Второй был необычайно ярок: хотя он тоже был

мужчиной, в его походке и жестах сквозило кокетство, а халат на нем был вызывающе красного цвета. Это были двое наложников принца Цзина.

Слуга вместе со служанками поспешно склонились в поклоне:

— Здравия господину Гу, здравия господину Сюй.

Тот, что в красном — господин Гу, — небрежно махнул рукой, веля им подняться. Он неспешно подошел к Хо Уцзю и, остановившись, протянул тягучим голосом:

— А я-то гадаю, кто это. Оказывается, это господин Хо, который вошел в наш дом только вчера.

Он заглянул в лицо Хо Уцзю. Тот же вел себя так, будто перед ним пустое место.

— Сколько же лет господину Хо? Должно быть, двадцать три? — продолжал Гу. — Выходит, младше меня на пару лет. Впредь зови меня старшим братом.

С этими словами он с улыбкой преградил Хо Уцзю путь, всем своим видом показывая: пока тот не признает его, он не сдвинется с места.

Хо Уцзю даже век не поднял.

Атмосфера стала крайне неловкой.

Стоявший поодаль Сюй в зеленых одеждах помедлил, подошел ближе и негромко сказал:

— Чанцзюнь, пойдем.

Но Гу Чанцзюнь лишь отмахнулся, продолжая слащаво улыбаться:

— Сюй Ду, не заступайся за него. Только вошел в дом, а не желает поздороваться со старшими — где же это видано? Какое неуважение.

Сюй Ду бросил на Гу Чанцзюня хмурый взгляд.

Тем временем Гу Чанцзюнь протянул руку, намереваясь дерзко подцепить Хо Уцзю за подбородок:

— А личиком-то пригож. Ну же, подними голову, дай братцу взглянуть...

Его голос оборвался на полуслове.

Хо Уцзю, сидевший с опущенным взором, будто имел глаза на макушке: он молниеносно вскинул руку и стальной хваткой перехватил запястье Гу Чанцзюня. В следующее мгновение он резко, с силой крутанул руку. Раздался сухой хруст ломающейся кости.

Цзян Суйчжоу, разумеется, совершенно не горел желанием во всё это ввязываться. Он готов был поставить собственную голову на отсечение: генерал Хо — не из тех, кто станет устраивать склоки в задних покоях из-за ревности. Наверняка тот человек сам напросился. И с какой стати принцу идти на конфликт с Хо Уцзю из-за кого-то кто сам полез не в свое дело?

Побил — и ладно. Чего плакать? Женщины в гаремах хоть волосы друг другу рвут, а если он

мужчина и получил сдачи — пусть имеет мужество ответить делом.

Цзян Суйчжоу холодно посмотрел на служанку и сухо бросил:

— У меня есть важные дела.

С этими словами он попытался обойти её и войти во двор. Но служанка, ко всеобщему удивлению, сделала два шага вперед, преграждая ему путь.

— Ван-е, хозяин сильно пострадал! Лекарь сказал, еще бы чуть-чуть — и тот человек совсем бы сломал господину запястье!

«Но ведь не сломал же», — подумал Цзян Суйчжоу.

Он раздраженно поднял глаза, собираясь отчитать девицу, но тут заметил выражение лица Мэн Цяньшаня. Этот маленький евнух был прост как две копейки, все эмоции у него были написаны на лбу. Сейчас Мэн Цяньшань смотрел на принца с таким изумлением, будто тот совершил нечто совершенно немыслимое. А служанка перед ним стояла со слезами на глазах и, казалось, ни капли не боялась гнева господина.

Цзян Суйчжоу вспомнил, как вчера, когда он только очнулся, служанка едва не лишилась чувств от ужаса, просто задев таз с водой. Если эта девица ведет себя так смело, значит, она чувствует за собой силу фаворита. Очевидно, этот «господин Гу» был любимчиком прежнего принца.

Цзян Суйчжоу стиснул зубы и, не сдержавшись, в душе проклял прежнего владельца тела.

«Черт бы тебя побрал! Если уж ты любил мужчин, мог бы найти кого-нибудь более вменяемого!»

Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Раз уж он попал сюда и, скорее всего, застрял на долгие годы, бегать вечно не получится. Рано или поздно придется знакомиться с окружением принца... включая весь этот «цветник».

Стараясь дышать ровнее, Цзян Суйчжоу бросил служанке:

— Я зайду к нему во время ужина.

Служанка мгновенно перестала плакать, расцвела в улыбке и принялась благодарить его, а Мэн Цяньшань рядом облегченно выдохнул и засиял. Все были счастливы, кроме самого Цзян Суйчжоу, у которого на душе было горько.

Он развернулся, ускорил шаг и буквально заперся в кабинете прежнего принца, велел никого не впускать. Весь остаток дня он провел, используя свои навыки историка-аналитика. Он перерыл все бумаги, письма и официальные доклады, которые хранились в кабинете.

Как и ожидалось, прежний принц Цзин лишь притворялся праздным бездельником. На самом деле он вел активную тайную переписку со многими чиновниками. Однако, поскольку Пан Шао полностью контролировал двор и имел бесчисленное количество приспешников, усилия принца выглядели жалко.

Он сумел собрать вокруг себя лишь разрозненную горстку мелких сошек, которые для Пан Шао не представляли никакой угрозы. Вероятно, именно поэтому временщик до сих пор не

удосужился с ним расправиться.

Кроме того, в расчетных книгах поместья Цзян Суйчжоу нашел сведения о двух своих наложниках. Один — Сюй Ду, мимолетная связь принца после переезда в Линьань. Второй — Гу Чанцзюнь, юноша из элитного публичного дома, которого принц выкупил пару лет назад. Сюй Ду не пользовался особой милостью, но был в хороших отношениях с Гу Чанцзюнем. А вот Гу Чанцзюнь был настоящим фаворитом: принц навещался к нему каждые несколько дней и никогда не позволял слугам заходить внутрь во время их встреч.

Раньше в поместье было гораздо больше наложников и наложниц — кого-то принц приводил сам, кого-то дарили коллеги. Но за несколько лет кто-то умер от болезней, кто-то был казнен или наказан, и в итоге остались только эти двое.

Цзян Суйчжоу нахмурился. Он не ожидал, что прежний владелец тела был настолько жестоким человеком. Теперь было понятно, почему слуги так его боятся.

Солнце медленно поднялось в зенит, а затем начало клониться к закату. Золотистые лучи косо пробивались сквозь бумагу на окнах, заливая комнату теплым сиянием. Мэн Цяньшань постучал в дверь, извещая, что пора ужинать. Цзян Суйчжоу убрал письма, вышел из кабинета и сел в паланкин, который Мэн Цяньшань приготовил заранее.

По дороге к дворику господина Гу он уже продумал тактику. Прежний принц был «отрезанным рукавом», но он-то — нет! Он не собирался прикасаться к чужим любовникам, даже если этот «чужой» — он сам в прошлом. Этот наложник Гу — выходец из публичного дома, значит, за ним нет никакой политической силы. План был прост: как бы тот ни плакал и ни жаловался, Цзян Суйчжоу сохранит ледяное лицо, изобразит раздражение от нытья, отчитает его и уйдет. А потом, под предлогом того, что ему надоели склоки в доме, просто перестанет его посещать. Так он и от навязчивого фаворита избавится, и инцидент замять сможет.

Он подготовился морально и ждал потоков слез и жалоб. Но он никак не ожидал, что, когда он, подражая манерам принца, велит слугам остаться снаружи и толкнет дверь в комнату Гу Чанцзюня, он увидит такую картину.

Гу Чанцзюнь лениво полулежал на кушетке во внутренней комнате, одной рукой придерживая забинтованное запястье и медленно его растирая.

Рядом с ним был и Сюй Ду.

Увидев вошедшего Цзян Суйчжоу, Сюй Ду поднялся и сложил руки в приветственном жесте.

А тот самый «господин Гу», о котором ходили слухи как о лисе-искусителе из весёлого квартала, с видом старого знакомого, но без тени кокетства, поднялся и с улыбкой произнес:

— Сегодня мне пришлось немало вытерпеть, чтобы найти повод для встречи с господином. Этот генерал Хо... бьет по-настоящему больно.